

Н.Н. Ефремов

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

**Средства выражения косвенной эвиденциальности
в якутском языке**

Аннотация: В статье анализируются средства выражения одного из основных семантических подтипов категории эвиденциальности в якутском языке в функционально-семантическом аспекте.

The article analyzes the means of expressing one of main semantic subtypes of the category of evidence in the Sakha language.

Ключевые слова: эвиденциальность, адмиративность, функционально-семантическое поле, аудитив, полипредикативная конструкция, аналитическая форма.

Evidentiality, admirativeness, functional-semantic field, auditive, polypredicative construction, analitical form.

УДК: УДК: 811.512.153.

Контактная информация: Якутск, ул. Петровского 1, ИГиИПМНС СО РАН. Тел. (4112) 354996. E-mail: nik.efrem50@mail.ru.

В тюркских языках семантическая категория эвиденциальности, подразумевающая указание на источник и способ получения информации, характеризуется грамматическими средствами. Такие средства используются, прежде всего, для обозначения одного из основных семантических подтипов обсуждаемой категории – косвенной засвидетельствованности. Что касается средств передачи прямой эвиденциальности, то они являются совмещенными, так как подобные формы специализируются в обозначении временных значений. К ним относятся определенные формы времени наклонений глагола, например, настоящего актуального, недавнопрошедшего, преждепрошедшего повествовательного и других. В этих формах значение засвидетельствования говорящим сообщаемого им факта представляется тем или иным смысловым элементом, включенным в семантическую структуру временной формы, или проявляется контекстуально. В формах косвенной эвиденциальности их значения маркируются, прежде всего, специальными средствами – аналитическими формами с определенными частицами.

Категория эвиденциальности в якутском языке еще не была предметом исследования. Однако в трудах ученых-якутоведов содержатся определенные замечания, связанные тем или иным образом с основными параметрами обсуждаемой категории [Бетлингк, 1851; Пекарский, 2008, стлб. 221–224; 2362–2363; 3186–3187; Убрятова, 1950; Коркина, 1970, с. 71–72 и др.; Петров, 1978, с. 146–152; 156–159; 219].

В тюркских языках Южной Сибири обсуждаемая категория тоже имеет грамматическое выражение. Исследователи пишут, что в этих языках «характерно большое количество глагольных форм и глагольных аналитических конструкций, указывающих на способ получения информации» [Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири, 2005, с. 7]. Средства выражения обсуждаемой кате-

гории рассмотрены на материале алтайского, тувинского, шорского языков [Скрибник, Озонова, 2005; Шамина, 2005; Исхакова и др., 2007]. Имеются и сравнительно-сопоставительные исследования [Баджанлы Эйюп, 2005; Исхакова и др., 2007].

Эвиденциальность в якутском языке, как и в других тюркских языках, выражается разноуровневыми средствами – морфологическими, лексическими и синтаксическими. В функционально-семантическом поле эвиденциальности морфологические показатели являются ядерными, другие же манифестируют в качестве периферийных.

Морфологическими средствами подразделяются на специализированные и совмещенные. Косвенная засвидетельствованность передается специализированными формами, потому последние представляют собой основное ядро функционально-семантического поля данной категории. Совмещенные морфологические средства – временные формы глагола также находятся в ядерной зоне эвиденциальности, однако они как полифункциональные структуры в отличие от морфологических показателей косвенной эвиденциальности занимают в указанной зоне не основную, а второстепенную позицию и в этом аспекте противопоставляются последним.

Морфологические средства косвенной эвиденциальности представляются тремя формами – специализированными аналитическими формами с частицей *уһу* или *сурахтаах* (*сурахтааба*), а также совмещенным средством – перфектом (=быт).

Формы с частицами могут употребляться как функционально-синонимичные средства, характеризуясь при этом собственными дифференциальными признаками.

Косвенная эвиденциальность, в свою очередь, тоже подразделяется на несколько структурно-семантических микрогрупп: формы и конструкции пересказываемости (квотатив), аудитива, инферентива, презумптива [Храковский, 2007, с. 604]. При квотативе (абсентиве) передается информация, получаемая говорящим от других лиц, при аудитиве – информация, получаемая с помощью слуха, при инферентиве – информация, получаемая на основе анализа некоторых наблюдаемых фактов посредством собственных мыслительных операций или путем озарения, при презумптиве – информация, получаемая на основе анализа своих наличных знаний.

Пересказываемость выражается прежде всего формами с *уһу*, а также структурами с *сурахтаах* и перфектом, аудитив – формами с *сурахтаах*, иногда структурами с *уһу*, инферентив и презумптив – перфектом. Кроме того в выражении этих значений КЭ участвуют и периферийные средства – изъяснительные конструкции с постпозитивными предикатами, представленными глаголами речи, модальные (вводные) конструкции, указывающие источник получения информации. КЭ обозначается также такими полипредикативными конструкциями, в которых совмещенно передается и адмиративное значение, то есть эвиденциально-адмиративная семантика.

В настоящей статье рассматриваются только морфологические средства выражения КЭ.

1. Аналитические формы с *уһу*

Постпозитивный компонент аналитических форм, выражающих пересказываемость, частица *уһу* в этимологическом плане представляет собой архаичное имя существительное *өс* ‘слово, речь’ в форме принадлежности [Пекарский, 2008, стлб. 1974; Убрятова, 1950, с. 100; Петров, 1978, с. 146]. Данная частица в якутском языкознании квалифицируется как модальная. Она сочетается с причастиями прошедшего, настоящего-будущего времени и другими предикативными форма-

ми и употребляется активно, выступая также в качестве стилиобразующего средства в фольклорных текстах.

В тюркских языках Южной Сибири этой якутской форме пересказывательности функционально соответствуют определенные аналитические формы. В алтайском языке это прежде всего аналитические формы с частицей, образованной на основе глагола речи *de= – дежет, дежер* [Скрибник, Озонова, 2005, с. 125–128], в тувинском – формы с показателем *=n-тыр*, представляющие собой сочетания деепричастия на *=n* и частицы *-тыр* [Шамина, с. 149–150], в шорском – *=чан + полтыр*.

Из вышеприведенного видно, что в якутском языке форма пересказывательности образована с помощью частицы именного происхождения, а в названных тюркских языках Южной Сибири – посредством частиц отглагольного происхождения. Подобный факт свидетельствует о том, что аналитические формы с *үһү* образовались в то время, когда древний якутский язык развивался в условиях неконтактирования с тюркскими языками Южной Сибири. До этого обсуждаемое значение выражалось контекстуально-перфектной формой (*=быт*), которой соответствует в данных языках аспектуально-темпоральный показатель *=ган*. Можно утверждать, что специализированные морфологические средства выражения КЭ сформировались сравнительно позже как результат дальнейшего развития аналитических форм и конструкций, которые представляют собой новый этап в процессе развития постпозитивно-агглютинативной структуры тюркских языков.

Данная частица сочетается в основном с формами прошедшего и настоящего будущего времени, редко с формой будущего.

Уол куоптут үһү (ДТ САа 40).

уол=о куоп:пут үһү
парень=Nom сбежать:Prf Prtcl3Sg

‘Говорят, парень сбежал’.

Бандьыыттар олох дьиэбит таһыгар сылдыаллар үһү (ДТ САа 40).

бандьыыт=тар олох дьиэ=бит таһыгар сылды:ал:лар үһү
бандит=Pl совсем дом=Poss1Pl Postp находиться:PFut:3Pl Prtcl

‘Говорят, бандиты находятся совсем близко от нашего дома’.

Биэнсийэ үрдүө үһү (Кыым. 22.10.09).

биэнсийэ=о үрд:үө үһү
пенсия=Nom увеличиваться:Fut3Sg Prtcl

‘Говорят, пенсия повысится’.

2. Аналитические формы с *сурахтаах*

Постпозитивный компонент этих форм в этимологическом плане образован от имени *сурах* ‘весть, известие; слух’, снабженной показателем обладания (*=лаах*). Он имеет основную и притяжательную формы, из которых последняя встречается часто. Она формально совпадает и со стяженным показателем имперфекта (ср. ниже данную структуру в форме имперфекта – *сурахтаах этэ/сурахтааба*).

Мэхэчэ бэбэһээ улууска тахсыбыт сурахтааба (ДТ САа 41).

Мэхэчэ=о бэбэһээ улуус=ка тахс:ыбыт сурахтааба
Мэхэчэ=Nom вчера район=Dat выезжать:Prf Prtcl:Poss3Sg

‘Говорят, Мэхэчэ (Михаил) вчера выехал в район’.

В отличие от предложений с формой *үһү* подобные высказывания квалифицируются как менее достоверные, поскольку информация, описываемая ими, основывается, прежде всего, на слуховом способе получения. Фразы с *үһү* имеют пересказывательное, повествовательное содержание и говорящий в таких случаях не выражает свое отношение в его достоверности или недостоверности. Этими моментами и обуславливается функционирование предложений с *үһү* в опреде-

ленных повествовательных текстах, например в фольклорных. Если предложения с *сурахтааба* допускают преобразование по моделям с *үһү*, то последние, употребляясь в высказываниях, представляющих собой зачин сказок, исключают аналогичную трансформацию.

Ср. *Бэрт былыр Куоҕас Суор курдук хап-хара эбитэ үһү* (СФ 131).

бэрт былыр Куоҕас=о Суор=о курдук хап-хара
в глубокую старину Гагара=Nom Ворон=Nom Postp пречерный
э=бит=э үһү
Aux=Prf=Poss3Sg Prtcl

‘Говорят, в древности Гагара была совершенно черная как Ворон’

и

**Бэрт былыр Куоҕас Суор курдук хап-хара эбит сурахтааба* (стилистически неправильная фраза).

3. Перфект

Перфект (=бит) в определенных контекстуальных условиях также выражает косвенную эвиденциальность. В диахроническом плане он предшествует аналитическим формам КЭ. В отличие от последних, перфектными конструкциями передается недифференцированное – общее – значение КЭ, основанное на результативности. Такое значение в зависимости от контекста конкретизируется как переказывательность, адмиративность. Как показывают результаты анализа выборки, эвиденциальная семантика обсуждаемой формы функционирует параллельно с временной, ибо перфект в тюркских языках первоначально возник «как видовая форма, затем прошла длительный и сложный путь переосмысления во временную» [Коркина, 1970, с. 85]. Относительно якутского перфекта отмечается, что для этой формы «очный или заочный характер действия не является основным, а второстепенным признаком. Основным признаком для него остается обозначение действия, совершенного в прошлом, но не осознанного в момент его совершения и обнаруживаемого в настоящее время по своим наличным результатам» [Там же, с. 86].

Быһабы эргим-ургум тутан көрбүт. Ол көрбүтэ үс үөстээх, угар муос бастыҥаах сүрдээх сытыы баҕайы быһах буолан биэрбит (МНН 129).

быһабы эргим-ургум тут=ан көр=бүт ол көр=бүт=э
нож:Асс со всех сторон держать=CV смотреть=Prf3Sg это смотреть=PP=3Sg
үс үөс=тээх уг:ар муос=о бастыҥа=лаах
три сердцевина=Possv3Sg рукоятка:Poss3SgDat роҕ=Nom головка=Possv3Sg
сүрдээх сытыы баҕайы быһах=о буол=ан биэр=бит
очень острый Prtcl нож=Nom оказаться=CV Aux=Prf3Sg

‘Нож он осмотрел со всех сторон (автор этого не видел, рассказывает то, что услышал от других). Когда посмотрел, оказалось, что это был очень острый нож с тремя сердцевинами, с головкой из рога на рукоятке (это было новым, неожиданным для персонажа рассказа)’.

Таким образом, в якутском языке КЭ выражается, прежде всего, морфологическими средствами: аналитическими формами с эвиденциальными частицами, которые являются специализированными. Кроме того она передается совмещенно-перфектными структурами.

Список условных обозначений

Nom – неопределенный падеж, **Acc** – винительный падеж, **Dat** – дательный падеж, **Postp** – послелог, **CV** – деепричастие, **PP** – причастие преждепрошедшего повествовательно времени, **Prf** – перфект (=быт), **PFut** – причастие настоящего-будущего времени, **Fut** – причастие будущего времени, **Aux** – вспомогательный глагол, **Prtcl** – частица (эвиденциальная, адмиративная, модальная), **1** – первое лицо, **2** – второе лицо, **3** – третье лицо, **Sg** – ед.ч., **Pl** – мн.ч., **Poss** – притяжательность, **Possv** – форма обладания.

Список условных обозначений текстовых источников

ДТ САа – Дмитрий Таас. Сырдык аартык. Дьокуускай, 2004.
Кыым – республиканская газета.
МНН – Манчаары норуот номоҕор. Дьокуускай, 1972.
СФ – Саха фольклора. Новосибирск, 1996.

Литература

- Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в туркском языке в функционально-семантическом аспекте (В сопоставлении с алтайским языком). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Бетлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. Новосибирск, 1990.
- Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.В., Шенцова И.В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб, 2007.
- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. СПб., 2008.
- Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. Якутск, 1978.
- Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005.
- Скрибник Е.К., Озонова А.А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005.
- Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.; Л., 1950.
- Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистимистическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб, 2007.
- Шамина Л.А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005.